

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» СОВЕТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1964–1985 гг.)

Рассматриваются проблемы межэтнических отношений в Казахстане в период действительного сближения советских народов. Автор считает, что в этот период действительно складывались отношения доверия и солидарности между представителями различных народов, населявших Казахстан. В то же время в этот период постепенно развиваются практики этнических преференций, влиявших на межэтнические отношения и отток славянского населения за пределы республики. Серьезной проблемой становятся отношения с крупнейшими национальными меньшинствами – немцами и уйгурами, выступавшими за создание своих национально-территориальных автономий. Попытки автономизации были пресечены, что вызвало впоследствии немецкую эмиграцию.

Ключевые слова: национальная политика; казахи; русские; немцы; уйгуры; межэтнические конфликты; автономизация; национализм.

Современные тенденции этнополитических процессов в Казахстане в значительной степени определяются предшествующим периодом истории Казахской ССР. Речь идет, прежде всего, о складывании определенных норм межэтнических отношений и формировании казахстанской идентичности. В советской историографии проблемы межэтнических отношений изучались в контексте дружбы и сближения социалистических наций. В казахстанской историографии доминирует критический дискурс по отношению к советской национальной политике [1, 2]. В западной советологии в 1970–1980-е гг. этнополитические процессы в СССР анализировались через призму потенциального цивилизационного конфликта европейских и мусульманских народов, вероятность которого повышается по мере усиления разрыва в социальном и демографическом развитии отдельных регионов страны и, соответственно, неравномерного естественного прироста численности европейского и мусульманского населения. З. Бжезинский в 1989 г. прогнозировал усиление конфликтности в советском обществе из-за существования множества вертикальных и горизонтальных «конфликтных черт». По вертикали, указывал американский политолог, развиваются конфликтные и конкурентные отношения между русскими и титульными нациями, по горизонтали – между титульными нациями и нерусскими этническими меньшинствами или соседними титульными нациями, проживающими на территории друг друга (например, армяне и азербайджанцы) (цит. по: [3. С. 35, 36]).

На наш взгляд, социально-демографические процессы оказали существенное влияние на этнополитические процессы в Центральной Азии и Казахстане, но не в такой жесткой детерминистской зависимости, как это представляется сейчас. Центробежные тенденции в союзных республиках Центральной Азии были слабы, народы региона были удовлетворены социальной и национальной политикой Советского государства. В развитии социальной структуры республик Центральной Азии возникли серьезные, но со временем преодолимые проблемы, связанные с неравномерностью модернизации и возникновением глубоких различий в

социокультурном и демографическом развитии «европейской» и «мусульманской» части населения.

В Казахстане этническая дифференциация главным показателем модернизации – урбанизации и социально-профессиональной стратификации – четко обозначилась между казахской и русской частью населения. Казахстанские русские преобладали в промышленности, транспорте, связи, энергетике, обслуживании информационно-вычислительной техники, банковско-кредитных учреждениях.

Преобладание русских в индустриальном секторе было обусловлено миграцией индустриальных кадров в предшествующий период, когда из соседних областей РСФСР на казахстанские промышленные стройки прибывали инженерно-технические работники и рабочие. По расчетам В.И. Переведенцева, в первой половине 1960-х гг. на 100 человек, выбывших из Казахстана, приходилось 158–170 прибывших сибиряков и уральцев в возрасте 16–30 лет, имевших высокий образовательный уровень [4. С. 132].

Тогда же, в 1960–1970-е гг., в Казахстане активно строились предприятия ВПК (ракетный завод в Петропавловске, биохимические предприятия в Степногорске, ядерные комбинаты Министерства среднего машиностроения в Усть-Каменогорске и Шевченко), в которых техперсонал также формировался за счет завоза специалистов из других республик. Завоз квалифицированных специалистов из европейской части страны был обусловлен тем, что Казахстан отставал в 1960-е гг. от других республик в подготовке специалистов с высшим и средним специальным техническим образованием [5. С. 140, 141]. Сказывался и ведомственный подход союзных министерств, предпочитавших набор уже подготовленных кадров из центральных вузов страны вложениям в высшее техническое образование в Казахстане. Приезжие специалисты получали лучшую жилплощадь, высокую заработную плату и социальные льготы. Республиканские власти также не могли регулировать кадровую политику могущественных предприятий военно-промышленного комплекса, космической отрасли,

Минсредмаша и топливно-энергетического комплекса. По «остаточному» принципу республиканские министерства могли курировать подготовку педагогических кадров, работников здравоохранения, культуры и торговли.

К середине 1980-х гг. в экономике обозначилось противоречие: наряду с острой нехваткой рабочих кадров в целом по республике, в ряде областей (Кызыл-Ординская, Чимкентская, Джамбульская и Мангышлакская) от 7 до 23% трудоспособного населения не были заняты постоянной трудовой деятельностью [6. Л. 20]. Причины появления скрытой безработицы были самые разнообразные – от непрестижности индустриального труда до позиции союзных ведомств и военных, управлявших Байконуром и Семипалатинским полигоном, привозивших специалистов и рабочих из европейской части, или, как в случае с нефтяными разработками Мангышлака, – завоза инженеров и рабочих из Азербайджана и северокавказских республик. Подобная практика вела к конфликтам казахской молодежи с приезжими с Кавказа в Гурьевской и Мангышлакской областях.

Целенаправленная подготовка рабочих кадров с 1979 по 1989 г. несколько снизила долю русских в машиностроении и металлообработке – с 64,4 до 59,6%, в других индустриальных секторах – с 59,6 до 52,5% [7. С. 113]. За 1977–1987 гг. основная часть прироста рабочих кадров (76,1%) формировалась за счет казахов [8. С. 134]. Но в целом казахскую молодежь мало привлекала возможность получения индустриальных специальностей. С 1981 по 1987 г. доля казахов, поступивших в профессионально-технические училища, снизилась с 39,9 до 14% [Там же. С. 135]. В казахстанских городах казахская молодежь редко шла на работу на заводы машиностроения и энергетические комплексы, устраиваясь в правоохранительные органы, на объекты строительства и автотранспортные предприятия. Казахское население было в основном занято в аграрном секторе, где была высокой доля малоквалифицированного труда. Среднее образование, полученное в сельской местности, не давало профессиональных навыков, поэтому молодые рабочие после прохождения службы в армии предпочитали оставаться в селе.

По расчетам казахстанских ученых, индексы участия казахов в промышленности были наименьшими в Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Семипалатинской, Целиноградской, Восточно-Казахстанской, Кустанайской и Тургайской областях. В южных, центральных и западных областях с конца 1960-х гг. развивались сырьевые отрасли промышленности, связанные с добычей нефти, газа, угля, цветных металлов. Здесь была востребована малоквалифицированная рабочая сила. Среди шахтеров Караганды семилетнее образование имели 28,4%, восьмилетнее – 26,4% казахских рабочих. Тяжелый шахтерский труд не требовал постоянного совершенствования трудовых навыков и повышения квалификации. Доля казахских ра-

бочих была достаточно высокой в Гурьевской, Уральской, Чимкентской, Талды-Курганской, Карагандинской и Кызыл-Ординской областях [9. С. 73].

На наш взгляд, слабая включенность казахов в современное промышленное производство, требовавшее высокого уровня квалификации, самодисциплины и постоянной готовности к самообучению, было результатом не столько целенаправленной политики союзных ведомств, сколько низкой престижности индустриального труда. Более престижным и доходным для молодежи было поступление на работу в правоохранительные органы. Советские ученые рекомендовали устранить подобные «перекосы» в структуре занятости в национальных республиках. Ю.В. Бромлей и О.И. Шкаратан предлагали размещать в национальных регионах производства, отвечающие «национально-трудовым навыкам» местных жителей [10. С. 43, 54].

В ходе «догоняющей» модели социальной модернизации титульные нации Центральной Азии успешно конкурировали в борьбе за наиболее «престижные» сферы трудовой деятельности, где главным «стратификатором» выступали местные партийные элиты, добившиеся к началу 1980-х гг. невмешательства союзных властей в подготовку специалистов с высшим образованием, развитие местной культуры и искусства. Разрешенный дефакто культурный национализм создал систему предпочтений при поступлении в вузы, карьерном росте специалистов. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. казахи сумели потеснить русских и этнические меньшинства в системе здравоохранения, народного образования, кредитно-финансовых организациях, управленческого аппарата, культуры и искусства. В здравоохранении и народном образовании русские и казахи были представлены в равной степени, в учреждениях культуры и искусства доминировали казахи.

В 1970-е гг. участие казахов в составе административной интеллигенции составляло 288 человек на 10 000 человек занятого населения, у русских соответственно 269 человек; в составе массовой интеллигенции 762 и 640 человек соответственно. Казахи уступали русским в представительстве в рядах производственной (117 и 439 человек) и массовой интеллигенции [7. С. 124]. Ключевую роль играла во всех республиках практика этнизации профессорско-преподавательского состава и студенчества. Укрепление материально-технического обеспечения вузов и кадрового состава преподавателей, подготовленных в центральных вузах, повысило престиж системы высшего образования. Казахская молодежь стремилась получить педагогическое и медицинское образование, русская молодежь в значительной степени ориентировалась на получение инженерного образования. Значительная часть русской и русскоязычной молодежи обучалась в российских технических вузах соседних областей, возвращаясь затем на промышленные предприятия Казахстана. Наибольших успехов в получении высшего образования добились корейцы.

На фоне впечатляющего роста общеобразовательного уровня населения страны в казахстанских вузах в 1970-е – первой половине 1980-х гг. процветал протекционизм по этническому, земляческому и клановому признакам. В первую очередь, это коснулось вузов Алма-Аты и Чимкента, это выразилось в росте диспропорций в составе казахстанского студенчества и лиц, получивших высшее образование. Значительно труднее стало получить высшее образование представителям этнических меньшинств – немцам, туркам и уйгурам. Несомненно, казахская молодежь имела более благоприятные возможности для получения высшего образования. Лишь русские, татары и корейцы могли составить конкуренцию при поступлении в вузы.

В некоторых вузах южного региона в 1970-е гг. расцвели кумовство и этнические предпочтения. В феврале 1986 г. были преданы гласности факты: в КазГУ доля казахских студентов составляла 75,8%, в институте народного хозяйства – 73,7%, железнодорожном институте – 79% [11. Л. 117]. В престижные вузы Алма-Аты было трудно поступить не только представителям неказахского населения, но и самим казахам, не имевшим родственных связей. В середине 1980-х гг. широко расцвел клановый протекционизм. По данным на 1987 г. в КазГУ в родственных связях находилось 90 сотрудников, в политехническом институте – 46 сотрудников, в народнохозяйственном – 195 сотрудников и т.д. [12. Л. 37]. Клановый протекционизм был доведен до абсурда. Например, на факультете журналистики КазГУ было немало преподавателей, не имевших к журналистике никакого отношения [13. Л. 400].

Семейно-родственные связи создавали широкие возможности для распространения коррупции. За период 1980–1985 гг. в алма-атинских вузах за взятки было осуждено 78 человек. Аналогичная ситуация сложилась в вузах Караганды: на начало 1987 г. в кооперативном институте работали 54 родственника, в политехническом – 91, в медицинском – 120 [14. Л. 139]. Столь обширные родственные сети создавали возможности для приема на престижные специальности только близких родственников.

Расширенное воспроизводство кадров массовой интеллигенции способствовало успеху этнизации управленческого аппарата. В лице массовой интеллигенции национальная бюрократия получила мощного союзника и ближайший резерв. Кунаев был достаточно осторожен в проведении кадровой политики, постепенно добиваясь доминирования казахов в управлении. Дружба с Брежневым выводила его действия из-под контроля ЦК КПСС и КГБ СССР, тем не менее собиравшего материалы об этнических предпочтениях в кадровой политике. В анонимном письме, пришедшем в 1983 г. на имя Ю.В. Андропова, неизвестный автор жаловался на повсеместное засилье казахских кадров в сфере высшего образования и науки. Аноним подсчитал, что из 15 ректоров вузов Алма-Аты только три

были неказахской национальности, из 12 академиков – только два. При присуждении Государственной премии Казахской ССР в 1982 г. из 14 лауреатов 12 были казахами. Аноним сравнивал кадровую практику в Казахстане с действиями буржуазных «национал-уклонистов» в 1920-е гг. По его мнению, «мы живем в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который расцвел в годы правления Кунаева» [15. Л. 6].

Этнизация управленческого аппарата проводилась казахстанским руководством с учетом интересов русской части партийно-государственного аппарата. В отличие от соседних республик Средней Азии давние традиции партнерства с казахами позволяли русским чувствовать себя уверенно, несмотря на доминирование казахских кадров. На начало 1986 г. из 166 членов ЦК Компартии Казахстана казахов было 92 человека (54%), из 18 первых секретарей обкомов партии – 11 (61%) [16. Л. 116]. Из тех тысяч председателей исполкомов всех уровней казахов было 1870 человек (61%), русских – 612 (20,4%), немцев – 135 (4,5%) [17. Л. 120]. Русские в основном превалялись в руководстве промышленными предприятиями союзного значения.

Партнерские и паритетные отношения между казахами и русскими не распространялись на этнические меньшинства, проживавшие в республике. Им предоставлялась возможность ассимиляции или закрытие в замкнутых общинах. В открытой форме свое недовольство выражали немцы и уйгуры.

Из статистических материалов видна неудовлетворенность своим социальным статусом немцев Казахстана. С середины 1950-х гг. открылся доступ к получению немецкой молодежью высшего педагогического образования. Немцы из-за различных негласных ограничений преимущественно получали педагогическое, аграрное и медицинское образование. С 1970 по 1979 г. численность немцев с высшим образованием выросло в два раза, со средним специальным образованием – в три раза, но по-прежнему показатели немцев были в 2,5–3 раза ниже показателей уровня образованности всего населения республики [18. С. 14, 15]. Немецкие родители предпочитали, чтобы их дети получали рабочие специальности. Позже, во время немецкой эмиграции в Германию, это облегчит интеграцию немцев в новое сообщество.

В 1970-е гг. немецкое национальное движение переходит к продвижению идеи создания национальной автономии на самом высоком уровне. Немецкие активисты были встревожены усиливающейся языковой и культурной ассимиляцией. По данным Всесоюзной переписи 1979 г., только 42,5% немцев Казахстана назвали родным немецкий язык. В 1957 и 1960 гг. были приняты постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР о введении преподавания немецкого языка в качестве родного в курс обязательных программ для немецких школ. С 1959 по 1965 г. численность школьников, изучавших немецкий

язык в качестве родного языка, выросло с 24,9 тыс. до 37,8 тыс. человек [19. С. 72].

В Казахстане в Алма-Ате с 1958 г. начинается радиовещание на немецком языке. В 1964 г. Карагандинское телевидение проводит ежемесячное телевещание на немецком языке. В 1980 г. при содействии казахской и русской интеллигенции в Темиртау был открыт Немецкий драматический театр. В Казахстане, считает Л.Э. Рис, в 1980-е гг. «сложились очаги культуры советских немцев – единственный в стране немецкий драматический театр, редакция радиовещания и телевидения на немецком языке, газета, секция немецких писателей, получили развитие самодеятельные коллективы и фольклорные группы» [18. С. 22].

Скрытое недовольство немцев вызывали негласные ограничения при поступлении в вузы и на работу. В 1974/75 учебном году число немецких студентов, обучающихся в казахстанских вузах, составило 8 600 человек (4,3% от всего студенческого контингента), в 1984/85 учебном году численность немецких студентов сократилась до 8 223 человек (2,9%). За десятилетие, с 1974 по 1984 г., представительство немецких студентов в КазГУ снизилось со 140 до 61 человека (с 1,9 до 0,5%). В Карагандинском университете также произошло снижение доли немецких студентов с 5,2 до 3,5%, в то время как общая доля немецкого населения Карагандинской области составляла не менее 10%. Аналогичная ситуация была и у российских немцев. По Омской области на 10 000 человек занятого населения приходилось с высшим и неоконченным высшим образованием 98 человек, в то время как у немцев – 39 человек, по Алтайскому краю – 80 и 40 человек соответственно [20. С. 205].

Существенно ниже был политический статус немцев, не относившихся к «избранным» титульным нациям. Это наиболее наглядно отражено в данных по участию немцев в партийно-государственных и советских органах. В 1975 г. в Верховных Советах СССР и союзных республик 1,4 млн эстонцев представляли 222 депутатов; 1,4 млн кыргызов – 200 депутатов; 2 400 тыс. молдаван – 217 депутатов; 2 млн советских немцев – 16 депутатов; 1,1 млн поляков – 26 депутатов [21. С. 119]. Ограничения существовали и при карьерном росте немцев. В 1978 г. по Казахстану из 193 секретарей райкомов и обкомов партии только 8 были немцами, в то время как 440 немцев были секретарями первичных парторганизаций. В ЦК Компартии Казахстана не было ни одного высокопоставленного представителя почти миллионного немецкого населения республики [22. Л. 1]. Участие немцев в низовом партийном и советском аппарате было в то же время достаточным. В 1978 г. в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана и обкомов партии было включено 500 немцев, в номенклатуру горкомов и райкомов – 3 000 немцев. На уровне местных Советов было избрано 7 000 немецких депутатов [20. С. 192]. Из участия в верхнем и низовом звене партийного и советского ап-

парата видно, что продвижение по карьерной лестнице для немцев было затруднено. Среди немцев распространяется смена этнической принадлежности, что могло открыть более широкие возможности для карьерного роста.

Противоречия между официальной риторикой и дискриминационной практикой, опасения по поводу возможной ассимиляции послужили толчком к оживлению политической деятельности немецкого национального движения. С середины 1970-х гг. органы госбезопасности все чаще сигнализируют о росте недовольства среди советских немцев нерешенностью вопроса с восстановлением автономии на Волге. Немецкие активисты ставят вопрос о миграции в Западную Германию. В информационной записке, направленной 12 июня 1975 г. КГБ СССР в ЦК КПСС, отмечалось: «Группы немецких экстремистов, проживающих в Казахстане и в Молдавии, намерены инициировать среди граждан немецкой национальности, если их требования о выезде не будут положительно решены, групповые отказы от участия в выборах 15 июля 1975 г. в Верховные Советы союзных и автономных республик» [23. Л. 1]. Из текста письма видна осторожная позиция немецких активистов, не шедших, в отличие от крымских татар, на открытую конфронтацию с властью. Агентура КГБ осуществляла слежку за организаторами сбора подписей под обращениями в различные международные организации с просьбой оказать содействие их выезду в ФРГ. 7 июня 1975 г. на станции Джамбул был задержан гр-н Термер, направлявшийся в Москву с обращениями в ООН и канцлеру ФРГ, подписанными 6 тыс. немцев [Там же].

Проект создания немецкой автономии в Казахстане и крымско-татарской в Узбекистане появился по инициативе руководства КГБ СССР и проталкивался в высших эшелонах власти лично Председателем КГБ Ю.В. Андроповым. О заинтересованности могущественного шефа госбезопасности пишут в своих воспоминаниях Д.А. Кунаев и один из руководителей КГБ Ф.Д. Бобков. Не случайно именно Андропов в августе 1976 г. возглавил рабочую группу по созданию немецкой автономии в Казахстане. В августе 1978 г. рабочая группа рекомендовала создать Немецкую автономную область в составе Казахстана. Резоны создания национальной государственности члены комиссии объясняли политической и экономической целесообразностью. В Немецкую автономную область с центром в Ерментау планировалось включить пять районов Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей площадью 46 тыс. кв. км, где проживали 202 тыс. человек, из них 30 тыс. – немцы (15% населения) [20. С. 190–192]. Руководителем областной партийной организации предполагалось назначить А. Брауна, вторым секретарем – А. Шабатова, председателем облисполкома – М. Сагдиева.

В начале 1979 г. руководители идеологических отделов ЦК Компартии Казахской ССР А. Плотников, С. Жандосов, М. Кабулбеков и М.И. Исиналиев были вызваны к секретарю ЦК по идеологии С. Имашеву,

где их ждали московские представители – заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Н. Перун, заместитель Председателя КГБ СССР Ф. Бобков и заведующий отделом Президиума Верховного Совета СССР Д. Никитин. Московские представители пытались выяснить реакцию местного руководства на планы образования немецкой автономии. Завотделом культуры ЦК Компартии Казахской ССР Исиналиев выступил против создания немецкой государственности в Казахстане, упрекнув Москву в паллиативном решении немецкой проблемы: «Созданием немецкой автономии в Казахстане мы все равно проблемы не решим, т.к. немецкие товарищи требуют политической реабилитации своего народа – путем восстановления прежней АССР именно в России» [24. С. 286]. Строптивный М.И. Исиналиев разъяснил, что он не против немцев, а против проекта создания автономии: «Нельзя же интересы одних решать за счет других, исконно живущих на этой земле» [Там же]. Остальные руководители республики поддержали московскую инициативу.

31 мая 1979 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято постановление об образовании Немецкой автономной области на территории Казахстана и Крымско-Татарского автономного округа в Узбекистане. В постановлении ЦК КПСС объявлялось: «В целях создания необходимых условий для развития национальной культуры немецкого населения и улучшения идейно-воспитательной работы среди него, а также для лучшего развития экономики и освоения природных богатств районов, входящих в область, считать целесообразным образовать Немецкую автономную область в составе Казахской ССР с непосредственным подчинением ее республиканским органам образования» [25. Л. 1–3]. В постановлении ЦК КПСС были намечены планы по созданию управленческого аппарата и избранию пяти депутатов в Верховный Совет СССР от нового национально-государственного образования [Там же].

Скрытое сопротивление оказало среднее звено партийно-государственного аппарата. Об этом говорится и в отчетной записке направленных в Казахстан ответственных ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и КГБ в ЦК КПСС «О негативных проявлениях, имевших место в Целиноградской области» от 28 июня 1979 г. Авторы признали спонтанность выступлений, отметив негативное отношение к планам автономизации казахских коммунистов: «...среди части актива, особенно казахской национальности, наблюдается отрицательное или сдержанное отношение к образованию немецкой автономии. В разговорах с людьми некоторые руководящие работники уходят от ответов на вопросы, не дают правильного толкования, занимают пассивную позицию... Высказывались и такие суждения, что образование автономии повлечет за собой усиление автономистских настроений среди уйгурского населения» [20. С. 196, 197].

Сразу же после известия о создании автономии для немцев в республике разворачивается антиавтономистское движение. Местные органы КГБ обнаруживают

анонимные листовки на казахском и русском языках, содержащие призывы к выступлениям с протестом против планов создания немецкой автономии в Казахстане. 16 и 19 июня 1979 г. прошли демонстрации казахского населения с участием представителей русской молодежи [2. С. 205, 206]. Во главе демонстрантов выступили ветераны войны, что склонило симпатии русских солдат и офицеров, переброшенных в Целиноград милицейских батальонов на сторону митингующих. Демонстранты выдвигали лозунги о неделимости Казахстана, единства советского народа и требовали отказаться от изменения территориальных границ союзных республик без согласия всеобщего референдума. Имели место избиения в студенческих общежитиях студентов немецкой национальности и выдвижение оскорбительных для советских немцев лозунги «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Отобрать у них дома и машины», «Восстановить спецкомендатуру» [20. С. 196, 197].

На спешно созванном 28 июня 1979 г. республиканском собрании идеологического актива секретарь по идеологии С. Имашев, оставив без внимания антинемецкие выступления, призвал улучшать интернационалистскую работу среди немецкого населения. Об изменении позиции Кунаева пишет Ф.Д. Бобков. По его словам, после июньских выступлений казахского населения Кунаев обвинил руководство КГБ СССР в разжигании межнационального конфликта, заявив: «Сами немцы не хотят автономии, но вы навязываете ее» [26. С. 306]. Рост межэтнической напряженности вынудил союзные власти отказаться от проекта создания немецкой автономии в Казахстане. Того же желали сами казахстанские немцы, просившие рассмотреть возможность воссоздания немецкой автономии на Волге. Видный литератор Д. Госсман писал Сулову: «Мы... тоже против создания автономии на казахской земле, необоснованно высланные немцы еще раз просят с полной решимостью восстановить автономию на Волге» [19. С. 72]. А. Браун, выросший в казахской среде и ставший в 1986 г. первым секретарем Целиноградского обкома партии, заверил своих казахских коллег в нежелании немцев задевать интересы казахского населения, так как «ни немцам, ни казахам, проживавшим в области, неведомо было и непонятно, почему вдруг на землях Ерментау, где с древних времен жили казахи, на земле батыра Богенбая, необходимо было создать немецкую автономию» [27. Л. 66].

Провал планов создания немецкой автономии повлиял и на нежелание союзных властей рассматривать предложения о создании автономии для уйгуров. Уйгурские активисты рассматривали свой народ как автохтонов Семиречья, поселившихся в этом районе раньше казахов. Научный сотрудник Института уйгуроведения АН Казахской ССР М. Кибилов в своем исследовании «Уйгуры – автохтоны Семиречья» фактически обосновал историческое право уйгуров на создание своей национальной государственности. В сентябре 1977 г.

М. Кибиров направил в ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахской ССР документы, в которых необходимость создания уйгурской автономии объяснялась тем, что «из-за отсутствия вузов с преподаванием на уйгурском языке, малочисленности органов печати и другим причинам представители уйгурского населения ограничены в своем интеллектуальном и творческом росте» [2. С. 194, 195]. По воспоминаниям Г. Бельгера, публикации М. Кибирова стали поводом к разбирательству претензий уйгуров в ЦК Компартии Казахской ССР с участием представителей уйгурской интеллигенции. Казахские представители интеллигенции удивлялись претензиям уйгурских активистов, предки которых в XIX в. бежали из Западного Китая. Г. Бельгер, выросший в казахской среде и знающий казахскую ментальность, использовал аргументацию Кибирова и предложил считать Семиречье исторической родиной немцев, чем вызвал смех и разрядил ситуацию [28. С. 6]. В отличие от хороших отношений немцев и казахов, снизивших «градус» межэтнической напряженности, претензии уйгуров на автономию могли стать причиной более жесткого межэтнического противостояния и масштабных этнических мобилизаций, так как казахско-уйгурские отношения характеризуются и в настоящее время определенными противоречиями в Алма-Атинской области.

Отказ от проектов автономизации в Казахстане и Узбекистане депортированных народов означал крушение планов органов госбезопасности на обуздание этнических элит союзных титульных наций через поддержку

этнических элит национальных меньшинств, ориентированных на Москву, как верховного гаранта и арбитра во взаимоотношениях с республиканскими властями. Очевидно, что союзное руководство и теоретики национальных отношений действовали в соответствии с идеологическими установками и схемами начала 1920-х гг., предполагавших развитие советских этнических наций только через создание национальной государственности. Возможности деэтнизации национально-государственного устройства СССР к началу 1980-х гг. были исчерпаны, политическому руководству страны пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках.

Из последовавших событий ясно, что союзное руководство не брало во внимание втянутость значительной части русских в Казахстане и в других республиках в сложившиеся многообразные социальные и культурные связи с казахами и другими народами, вследствие чего они солидаризировались с оформившимися региональными тождествами (казахстанцы) и не были готовы поддерживать державные проекты центральной элиты.

Межэтническая толерантность и консенсус в Казахстане базировались на двух принципах, приемлемых для казахов и русских: на незыблемости территориальных границ для казахов, готовых на активное восприятие русской культурной традиции, и на сохранении сферы применения русского языка и культурного статуса-кво для русских казахстанцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козыбаев М.К.* Отечественная история XX века: мифы и реальность // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски : в 2 т. Алматы : МОН РК, НАН РК, 2000. Кн. 1: Память народа. С. 194–221.
2. *Кыдыралина Ж.У.* Нация и история. Астана : Елорда, 2009. 304 с.
3. *Сужиков М.К.* Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центрально-азиатских исследованиях. Алматы : ИИЭ, 1997. 65 с.
4. *Переведенцев В.И.* Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск : Наука, 1966. 191 с.
5. *Сужиков М.М., Демаков Г.А.* Влияние подвижности населения на сближение наций. Алма-Ата : Наука, 1974. 200 с.
6. *Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).* Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
7. *Русские.* Этносоциологические очерки / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М. : Наука, 1992. 464 с.
8. *Совершенствование национальных отношений и интернациональное воспитание трудящихся: вопросы теории и практики : сб. ст. / под ред. Б.А. Тулепбаева.* Алма-Ата : Наука, 1989. 285 с.
9. *Аженов М.С.* Изменения социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. Алма-Ата : Казахстан, 1973. 153 с.
10. *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* Национально-трудовые традиции – важный фактор интенсификации производства // Социологические исследования. 1983. № 2. С. 43–54.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Д. 1835.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 155. Ед. хр. 1856.
15. *Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ).* Ф. 5. Оп. 89. Д. 10.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 1858.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647.
18. *Рис Л.Э.* Культурная жизнь немецкого населения Казахстана (1955–1985 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата : Ин-т истории, археологии и этнографии АН Казахстана, 1991. 24 с.
19. *Советские немцы – история и современность : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. Москва, 15–16 ноября 1989 г. М. : ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. 383 с.*
20. *История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М. : Междунар. ин-т гуманитар. программ, 1993. 448 с.*
21. *Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик 1975 г. : стат. сб. / Отдел по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР / сост. Л.Г. Алешина, В.В. Столяров. М., 1975. 95 с.*
22. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3.
23. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 37. Д. 13.
24. *Исиналиев М.И.* Как немцам автономии создавали // Исиналиев М.И. Избранное. Алматы : Арыс, 2007. Т. 1. С. 284–287.
25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 3.
26. *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М. : Ветеран МП, 1995. 381 с.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1647.

28. Интервью с Герольдом Бельгером // Общественная позиция. Еженедельник «ДАТ». 4 октября 2013.

Kaziev Sattar S. North Kazakhstan State University named after M. Kozybaev (Petropavlovsk, the Republic of Kazakhstan). E-mail: sattarkaz@mail.ru

"GOLDEN AGE" OF SOVIET INTERNATIONALISM AND PROBLEMS OF INTERETHNIC RELATIONS IN KAZAKHSTAN (1964–1985).

Keywords: national policy; the Kazakhs; the Russians; the Germans; the Uyghurs; interethnic conflicts; autonomism; nationalism.

The Soviet national policy induced the development of contradictory tendencies in interethnic relations in the USSR. Real internationalism in national policy facilitated the solution of national problems and consolidation of Soviet people on the principles of confidence and solidarity. This unity vividly manifested itself during the Great Patriotic War. At the same time local forms of historical-cultural and political identities were gradually being established in Union Republics. Ethnic elites were coming to power. They had been submitting to the will of the Union authorities until the fundamentals of authentic Lenin's national policy, presupposing the inviolability of frontiers and state-forming status of the titular nations, were affected. In that period the local community of Kazakhstani citizens was taking shape, the core of which was formed by the local Russians and Kazakhs. The relationships between the largest ethnic groups were to a considerable degree those of partnership and solidarism. The model of power peculiar to Kazakhstan in that period was that of ethnic collaboration in promoting candidates to bodies of government, whereas in other Central Asian Republics non-title groups were virtually "squeezed out" from the highest governing bodies. The collaboration model of ethnic representation in the highest governing bodies existed till the collapse of the USSR. It could most likely be caused by the predominance of Russian population in the industrial sector of economy. The problems of interethnic relations were connected with German and Uyghur national movements. Unfair practices of ethnic preferences in access to higher education, personnel selection and language policy of Union and Republic's authorities affected the Germans and the Uyghurs most painfully. The Germans and the Uyghurs considered the option of establishing national-territorial autonomies regarding it as a possibility to block the threat of assimilation and to provide the survival of their ethnic groups. In Kazakhstan the project of autonomisation heightened the conflict potential between Kazakhs and ethnic minorities, Muslim nations in the first place: the Uyghurs and the Uzbeks, whose representatives declared themselves autochthonous. The German movement hoped to revive the German Autonomy on the Volga and, therefore, did not strive for confrontation with Kazakh population. The USSR State Security Committee was the initiator of the German Autonomy establishment in Kazakhstan. Autonomist projects were broken up by the resistance of Kazakh population and the middle management of party careerists. The frustration of the Union Authorities' plans demonstrated the potential power of ethnic mobilizations aimed at the protection of the Republic's territorial integrity and showed the limits of "possible" in national policy. It became apparent that the possibilities of de-ethnization of the USSR state system had been exhausted by the early 1980s and political leaders of the country had to put up with the existence of "standard ethnic nationalism" in the Soviet and Autonomous Republics.

REFERENCES

1. Kozybaev M.K. *Kazakhstan na rubezhe vekov: razmysleniya i poiski*: v 2-kh t. [Kazakhstan at the turn of the century: reflections and search. In 2 vols.]. Almaty: MON RK, NAN RK Publ., 2000. Book 1, pp. 194-221.
2. Kydryalina Zh.U. *Natsiya i istoriya* [Nation and history]. Astana: Elorda Publ., 2009. 304 p.
3. Suzhikov M.K. *Natsional'naya identifikatsiya i dinamika etnicheskikh protsessov v zarubezhnykh tsentral'no-aziatskikh issledovaniyakh* [National identity and dynamics of ethnic processes in foreign Central Asian studies]. Almaty: IIE Publ., 1997. 65 p.
4. Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya i trudovye problemy Sibiri* [The population migration and labor issues of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1966. 191 p.
5. Suzhikov M.M., Demakov G.A. *Vliyaniye podvizhnosti naseleniya na sblizhenie natsiy* [The impact of population mobility on the convergence of nations]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1974. 200 p.
6. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
7. Arutyunyan Yu.V. (ed.) *Russkie. Etnosotsiologicheskie ocherki* [The Russians. Essays on ethnography]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 464 p.
8. Tulepbaev B.A. (ed.) *Sovershenstvovanie natsional'nykh otnocheniy i internatsional'noye vospitanie trudyashchikhsya: voprosy teorii i praktiki* [Improvement of ethnic relations and international education of the workers. Theory and Practice]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1989. 285 p.
9. Azhenov M.S. *Izmeneniya sotsial'no-klassovoy struktury Kazakhstana v protsesse kommunisticheskogo stroitel'stva* [Changes in the social class structure of Kazakhstan in the process of building communism]. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1973. 153 p.
10. Bromley Yu.V., Shkaratan O.I. *Natsional'no-trudovye traditsii – vazhnyy faktor intensivatsii proizvodstva* [The National labour traditions as an important factor of industry intensification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1983, no. 2, pp. 43–54.
11. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 155. File 1835. (In Russian).
12. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
13. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1671. (In Russian).
14. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1856. (In Russian).
15. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 89. File 10. (In Russian).
16. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 158. File 1858. (In Russian).
17. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1647. (In Russian).
18. Ris L.E. *Kul'turnaya zhizn' nemetskogo naseleniya Kazakhstana (1955–1985 gg.)*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [The cultural life of the German population of Kazakhstan (1955-1985). Abstract of History Cand. Diss.]. Alma-Ata: Institute of History, Archeology and Ethnography of Kazakhstan AS Publ., 1991. 24 p.
19. [The Soviet Germans – the history and the present]. *Materials of All-Union Scientific-practical conference* [Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow: IML pri TsK KPSS Publ., 1990. 383 p.
20. Auman V.A., Chebotareva V.G. (eds.) *Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.)* [The history of Russian Germans in the documents (1763-1992 gg.)]. Moscow: International Institute for the Humanitarian Programs Publ., 1993. 448 p.
21. *Itogi vyborov i sostav deputatov Verkhovnykh Sovetov soyuznykh i avtonomnykh respublik 1975 g.* [The results of the elections and the Supreme Soviet deputies of union and autonomous republics: 1975 Statistical Yearbook]. Moscow, 1975. 95 p.
22. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 3. (In Russian).
23. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 37. File 13. (In Russian).
24. Isinaliev M.I. *Izbrannoe* [Selected works]. Almaty: Arys Publ., 2007, vol. 1, pp. 284-287.
25. The Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 3. (In Russian).
26. Bobkov F.D. *KGB i vlast'* [KGB and power]. Moscow: Veteran MP Publ., 1995. 381 p.
27. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1647. (In Russian).
28. Interv'yu s Gerol'dom Bel'gerom [Interview with H. Belger]. *DAT*, 2013, 4th October.